

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА НА ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ НАРОДА САХА В XVIII–XIX ВЕКАХ

Решетников Айсен Янович,

ассистент кафедры архитектура и городское строительство,
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
аспирант кафедры архитектуры и реконструкции городской среды,
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин),
Россия, Якутск, Республика Саха (Якутия),
e-mail: aysenfreeman@mail.ru

Гудков Алексей Алексеевич,

кандидат архитектуры, профессор,
директор института архитектуры и градостроительства,
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин),
Россия, Новосибирск,
e-mail: agf@sibstrin.ru

УДК: 72.03

Шифр научной специальности: 2.1.12

DOI: 10.47055/19904126_2025_2(90)_9

Аннотация

В статье исследуется влияние русского деревянного зодчества на жилые и хозяйственные постройки народа саха. Рассмотрена ключевая роль установления почтового сообщения между Иркутском и Якутском, прослежено расселение русских и саха. Определены причины использования якутами бревенчатых строений, изучено конструктивное устройство русской избы и балагана. Проведен сравнительный анализ башни Пономарева с Якутской крепостью, изучен традиционный амбар народа саха. Рассмотрено строение для сушки снопов, проанализирован первый опыт применения к балагану бревенчатых завалин и сеней. Определены особенности трансформации жилых построек саха: применение срубного крепления в каркасно-столбовой системе балагана; совмещение с балаганом бревенчатых клеток; возведение трехкамерного срубного дома с планировочной схемой, применявшейся в русских избах. Выявлены два основных периода влияния русского деревянного зодчества на традиционную архитектуру саха.

Ключевые слова:

русское деревянное зодчество, саха, балаган, традиционное жилище якутов

INFLUENCE OF RUSSIAN WOODEN ARCHITECTURE ON RESIDENTIAL AND HOUSEHOLD BUILDINGS OF THE SAKHA PEOPLE IN THE 18TH–19TH CENTURY

Reshetnikov Aisen Ya.,

Assistant Professor, Department of Architecture and Urban Planning,
North-Eastern Federal University,
doctoral student of the Department of Architecture and Reconstruction of Urban Environment,
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin),
Russia, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia),
e-mail: aysenfreeman@mail.ru

Gudkov Alexey A.,

PhD (Architecture), Professor,
Director of the Institute of Architectural and Urban Planning,
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin),
Russia, Novosibirsk,
e-mail: agf@sibstrin.ru

УДК: 72.03

Шифр научной специальности: 2.1.12

DOI: 10.47055/19904126_2025_2(90)_9

Abstract

The article examines the influence of Russian wooden architecture on residential and household buildings of the Sakha people. The key role of establishment of a postal service between Irkutsk and Yakutsk is considered, and the resettlement of Russians and Sakha people is retraced. The reasons for using log buildings by the Yakuts are identified, and the structural features of the Russian log hut and balagan (light wooden shed) are studied. The Ponomarev Tower is compared with the Yakut fortress, and the traditional barn of the Sakha people is reviewed. The structure used for drying sheaves is considered, and the first experiences of using zavalina (log piles) and seni (kind of anteroom) as a balagan are analyzed. The peculiarities of the transformation of residential buildings in Sakha are determined: the use of log notching in the frame-pillar system of the balagan; combination of cribwork with balagan; construction of a three-chamber log house with Russian hut plan. The study identified two main periods of The influence of Russian wooden architecture on the traditional architecture of Sakha is found to have had two main periods.

Keywords:

Russian architecture, Sakha, balagan, traditional dwelling

Человеку свойственно стремиться ко всему передовому в силу того, что принятые им инновации могут вполне или существенно облегчить ему жизнь. К тому же, по мере рациональности, он их частично или полностью будет включать в свой обиход, не говоря о его духовных и культурных потребностях.

Введение

Возведение деревянных строений на территории Якутии берет начало от момента появления здесь первобытных охотников, которые, находясь в суровых условиях севера вынуждены были укрываться тем, что имелось под рукой. Строительные традиции народа саха, оставаясь неизменной константой, преобразились в ряде конструктивно-функциональных нововведений. С 1738 г. после установления регулярного почтового сообщения и усиления взаимодействия между двумя этносами начался наиболее активный процесс интеграции традиционных жилищ с архитектурными объектами русских земледельцев, впоследствии местное население включило в свой обиход технологию строительства на основе бревенчатых срубов. В эпоху информационных технологий многовековой опыт строительства деревянных домов, выработанный не одним поколением народных умельцев, стал игнорироваться в угоду массовым предпочтениям, не имеющим ничего общего с традиционными ценностями народа саха.

Как продукт интеграции с совершенно иной строительной культурой, поистине удивительное впечатление производит традиционное жилище – балаган с продолженным срубным строением по типу русской избы. Подобные жилища, функционировавшие с XVIII до начала XX в., могут стать основой для переосмысления современного строительства деревянных домов в Якутии.

Данное исследование призвано способствовать улучшению объемно-планировочных решений современных домов, которые создают более комфортные условия для проживания, учитывая не только функциональные, но и психологические потребности человека. Несмотря на значительное количество исследований по традиционной архитектуре саха, влияние русской деревянной архитектуры остается недостаточно изученным, оставляя множество неисследованных аспектов. В связи с этим необходимо распределить процесс интеграции традиционных построек саха по конкретным периодам и разделить их на определенные этапы.

Чтобы выяснить степень влияния русского деревянного зодчества на жилые и хозяйственные постройки народа саха, необходимо рассмотреть традиционные постройки восточносибирских крестьян и архитектурные объекты местного населения. Для этого следует ответить на три вопроса: «Какие типы построек были заимствованы местным населением после прихода русских?»; «Какие обстоятельства подтолкнули саха к использованию бревенчатого сруба?»; «Какие элементы традиционных построек подверглись трансформации под влиянием русских?».

Цель исследования – составление периодизации влияния русского деревянного зодчества на жилые и хозяйственные постройки народа саха в XVIII–XIX вв.

Задачи исследования:

- обосновать причины, которые подтолкнули местное население к использованию бревенчатых срубов, что привело жилые и хозяйственные постройки саха к значительным трансформациям;
- на основе выявленных результатов составить периодизацию влияния русской архитектуры на традиционные постройки саха в хронологическом порядке.

Методика

В качестве общего подхода использован сравнительно-исторический метод, который рассматривает традиционные постройки двух этносов: русских и саха. Для достижения поставленных задач применялись как общенаучные, так и узкоспециальные методы, включая описательный и сопоставительный.

В работе использован широкий круг источников – это труды этнографов, историков и краеведов, чьи исследования охватывают русское деревянное зодчество и традиционные постройки саха.

В первой четверти XVIII в. дорога от Иркутска на север до реки Витим, практически до нынешних границ Якутии, стала доступной круглогодично благодаря тому, что на всем ее протяжении были основаны почтовые станции и казацкие поселения [1, с. 49–56]. В начале деятельности Первой Камчатской экспедиции в Северо-Восточной Сибири в 1726–1729 гг. руководитель экспедиции капитан 1-го ранга Витус Йоанессен Беринг внес предложения по административному обустройству и улучшению путей сообщения в регионе (рис. 1) [1, с. 49–56].

Через некоторое время по указу от 17 апреля 1732 г. была организована Вторая Камчатская экспедиция, а в 1738 г. возникла острая необходимость установления круглогодичного почтового сообщения между Иркутском и Якутском в связи с тем, что существовала острая нужда бесперебойной доставки грузов для работы Второй Камчатской экспедиции В.И. Беринга. Таким образом, в 1738 г. с установлением регулярного сообщения между Витимом и Якутском началось полноценное функционирование Иркутско-Якутского почтового тракта (рис. 1) [1, с. 49–56].

Расселение русских. С 1770 г. Иркутско-Якутский тракт начали заселять русскими крестьянами-переселенцами из расчета по 10 взрослых мужчин на каждую станцию. В 1776 г. по берегам Лены между Пеледумом и Олекмой проживало всего 295 человек, а в 1779 г. – 306 человек.

Рис.1. Схема расположения первых 28 почтовых станций на средней Лене, учрежденных Захаром Баишевым в 1743 г. [7, с. 32]

Примерно такую же численность переселенческого населения следует считать вдоль Лены от Олекмы до Якутска. В конце 1770-х гг. общая численность станционного населения составляла примерно 600 человек [5, с. 56–58].

В 1770–1790-х гг. с заселением Ленского тракта крестьянами-ямщиками на берегах Средней Лены от Витима до Якутска возникло 34 деревни. В конце XVIII в. в них проживало без Витимской и Пеледуйской слобод около 800–900 чел. Появляется крестьянское население и на побережье Ледовитого океана, численность которого в конце XVIII в. доходила до 300 чел. Кроме них, было до 1200 мещан и служилого населения [5, с. 63].

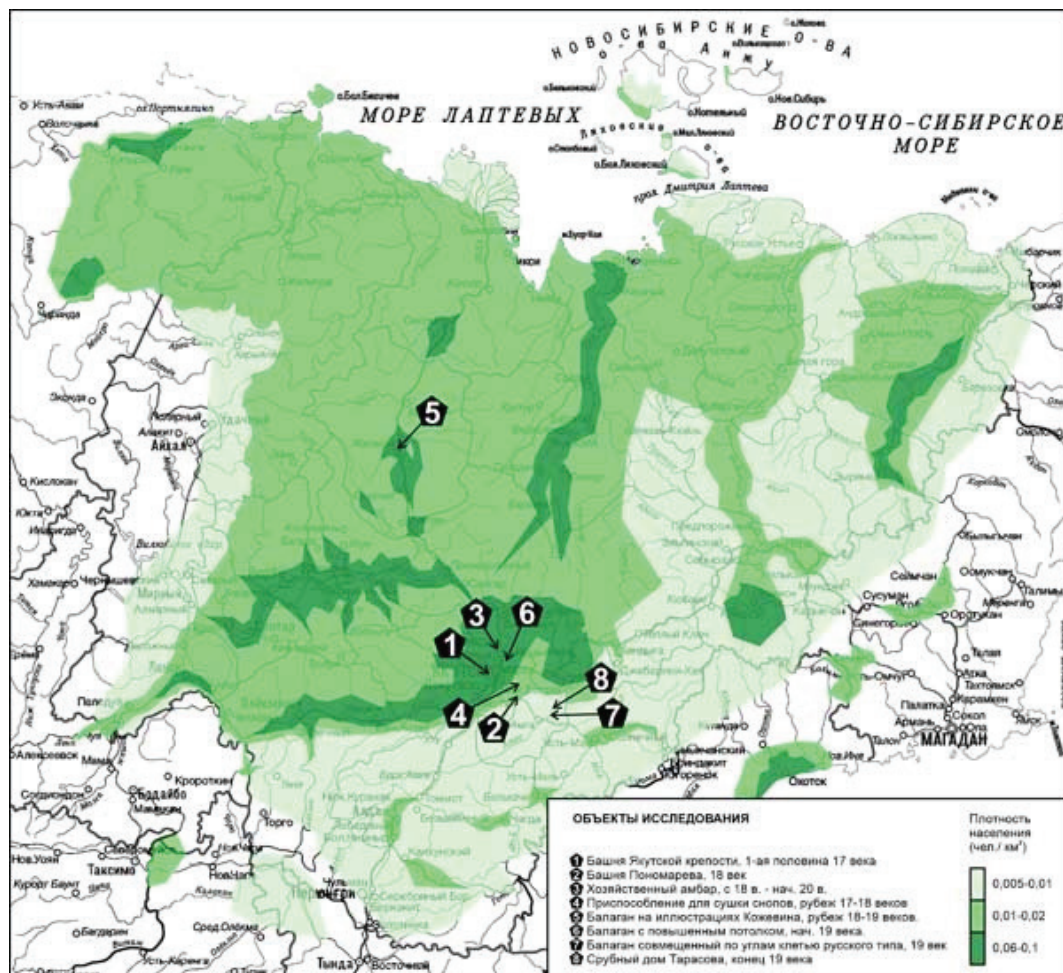

Рис. 2. Схема расселения саха рубежа XVIII–XIX вв. с указанием исследуемых объектов. Сост. А.Я. Решетников

Таким образом, в конце XVIII в. вся численность русского населения в Якутии достигла примерно 8000 человек, в том числе до 2400 крестьян. При этом к концу XVII в. русских насчитывалось только 1800 человек. Таким образом, в течение века количество русского населения возросло на 6200 человек [5, с. 63–64], т.е. на 444,4%.

Расселение саха. На протяжении первой половины XVIII в. саха перемещались с юга на север и в меньшей степени с севера на юг [3, с. 67], переселялись даже в самые отдаленные местности Крайнего Севера, передвигались на Вилюй, к Олекминску, в Жиганы, на Индигирку, Колыму, Яну и другие места, а также внутри центральных улусов [3, с. 142].

Во второй половине XVIII в. свободным передвижениям саха был положен конец. В 1760-х гг. в результате работы Первой ясачной комиссии самовольные перемещения жителей были под запретом, не разрешались даже временные отлучки. Несмотря на ограничения, часть населения все же переходила из своих наслегов в другие улусы – как центральные, так и северные, а некоторые возвращались обратно (рис. 2)

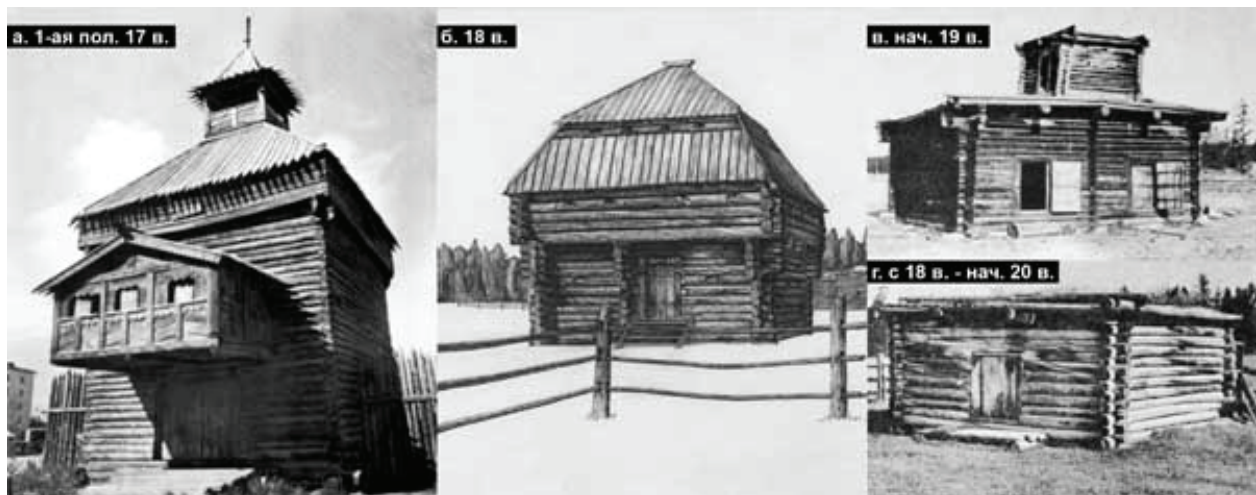

Рис. 3. а. Западная проездная башня после реконструкции, 1 квартал. Якутск. 1981 [9, с. 120]; б. Башня тойона Пономарева. XIX в. с. Майя, Мегино-Кангаласский район. Якутская АССР, реконструкция Н.П.Крадина. 1976 [12]; в. Общий вид амбара Дьячковского в аласе Биэкинэ; г. Бревенчатый якутский амбар, участок «Искра», Намский район [10, с. 110, 124]

По итогу работы Первой ясачной комиссии в 1760-х гг. было зафиксировано свыше 36 500 якутов мужского пола. По данным С.К. Патканова, в 1783 г. количество саха мужского пола составило 42 956 человек. Следовательно, можно утверждать, что к концу XVIII в. якуты в основном уже освоили всю территорию своего современного обитания (рис. 2) [3, с. 70].

Начало интеграции. В ранний период интеграции Ленского края в состав Русского государства первостепенное влияние на традиционные постройки саха оказали военные сооружения. Увидев эффективность таких укреплений, якуты начали строить свои оборонительные башни. К сожалению, более подробные сведения о данных укреплениях отсутствуют (рис. 3).

На рубеже XVII–XVIII вв. с распространением земледелия по всей центральной части Якутии на берегах рек Амги и Лены, в тех районах, где традиционно проживали саха, оборонительные сооружения начали терять свое военное значение и стали использоваться исключительно в хозяйственных целях. Если раньше для защиты от набегов недоброжелателей приходилось возводить амбары-башни в два или три этажа, то по мере развития путей сообщения и притока крестьянского населения такие амбары начали строить в одну небольшую клеть без смотровой вышки и бойниц. Это свидетельствует о переходе к почти оседлому образу жизни, где акцент смещался с обороны на хозяйственное использование построек (рис. 3).

На основании приведенных исторических источников можно сделать вывод, что народ саха впервые начал применять технологию бревенчатых срубов по двум основным причинам:

- во-первых, необходимость дать отпора возрастающему количеству русских войск вынуждала местное население незамедлительно возводить собственные оборонительные укрепления, которые были схожи с военными сооружениями русских;
- во-вторых, с распространением земледелия возникла острая потребность в использовании хозяйственных построек – амбаров, бань и других строений, необходимых для работы на пашне.

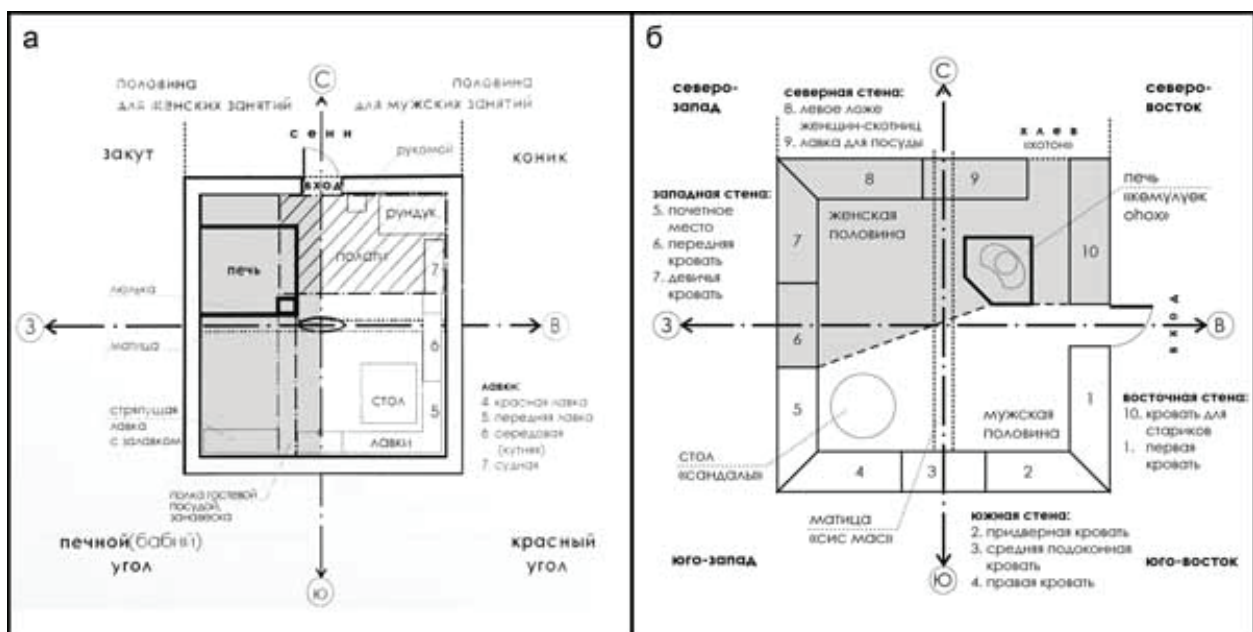

Рис. 4. а. Культурно-утилитарная семантическая модель внутреннего пространства жилища по горизонтали [2, с. 43];
б. Культурно-утилитарная организация внутреннего пространства балагана. Сост. А.Я. Решетников

В подобных срубах, помимо основного жилого пространства, в качестве хозяйственного помещения внизу устраивался подклет. Наверху над потолком располагался чердак. Изба строилась из крупных – до четырех сажень длиною (около 8 м) круглых бревен, которые по четыре соединялись в четырехугольник – венец. Воздвигая венец на венец, строители делали осто́в или сруб дома [2, с. 18]. Стены между венцами обычно утепляли мхом, подполье – соломой или сеном, а чердак – листво́й.

Вся конструкция жилища опиралась на несущие вертикально вкопанные в землю столбы, на которых укладывались горизонтальные балки балагана. В суровых условиях Ленского края

подбираемый материал для строительства состоял преимущественно из бревен меньшего диаметра, что полностью соответствовало выбору каркасно-столбовой конструкции жилища.

Стены обмазывались глиной или навозом рогатого скота. Летние балаганы обмазывались только раствором из глины, кроме того, наклоненные бревна от жары подгонялись врознь с зазорами. Пол был из глины, кровля утеплялась землянкой, под которой стелили корье. Хлев строили из низкокачественного дерева, высота была ниже балагана.

Таким образом, до прихода русских якутские скотоводы-охотники проживали в жилищах с земляным полом, с плоской земляной кровлей, в которых хлев был совмещен с жилой частью дома, тогда как русские избы имели подклет и чердак. После рассмотрения двух национальных жилищ – русских и саха, можно сделать следующие выводы:

– русские крестьяне в XVIII в. обычно проживали в рубленых избах с отдельными помещениями в количестве от двух и более, включая сени, амбар. Эти избы имели деревянный помост и двускатную кровлю с чердаком и фронтоном;

– якутские скотоводы-охотники до прихода русских жили в каркасно-столбовых балаганах с земляным полом и с плоской земляной кровлей без чердака, где хлев был совмещен с жилым пространством.

С первых же шагов сближения русских с населением саха последние знакомились с новыми приемами строительной техники, так как русские укрепления возводились в самом центре проживания улусного населения [5, с. 292]. Навыки в работе по дереву были принесены в Якутию переселенцами с севера Руси – устюжанами, новгородцами, которые всегда считались лучшими плотниками [5, с. 293].

Для выполнения строительных работ якутские плотники использовали различные инструменты и приспособления. Среди них встречались как традиционные, изготовленные самими якутами, так и заимствованные [8, с. 78]. Известно, что якуты обладали навыками добычи и обработки железа еще с глубокой древности [8, с. 83].

Рис. 5. а. Башня тойона Пономарева [10, с. 108]; б. Башня тойона Пономарева. XIX в., с. Майя, Мегино-Кангаласский район. Якутская АССР, реконструкция Н.П. Крадина. 1976 [12]; в. Балаган. Местность Емюкэн. Мельжехсинский сельсовет Мегино-Кангаласского р-на, 1982 [8, с. 23]; г. Типичная зимняя усадьба конца XIX и начала XX в.; д. Внешний вид части балагана [8, с. 35]; е. Конструкция брусчатой завалянки [11, с. 119]; ж. Балаган на рубеже XVIII–XIX вв. [8, с. 34]; з. Балаган с кладовой; и. Помост для сушки и хранения снопов. Местность Сууммут. Морукский сельсовет Мегино-Кангаласского р-на, 1982 [8, с. 71]

Таким образом, якуты познакомились с совершенно новыми для них строительными приемами и ранее неизвестными инструментами. Благодаря своей склонности к плотничьему делу и освоению новых технологий, они многое перенесли на свои жилые постройки. Теперь они могли строить дома, широко применяя различные способы срубного крепления, более того, в XVIII в. якуты уже стали основными плотниками при строительстве в новообразованных восточносибирских городах России [5, с. 293].

До 1738 г., когда пути сообщения с Москвой не носили четко организованного характера, традиционные жилища местного населения оставались неизменными, существенное влияние оказывали военные укрепления, это было связано с продолжающимися неурядицами XVII в.

Среди сохранившихся осадных амбаров XVIII в. наиболее известен амбар И.А. Пономарева, у которого конструктивное устройство очень сходно с башней Якутской крепости XVII в. Круговой облам, несколько ярусов бойниц, устройство шатра перекрытия «костром» указывают на прямое влияние традиций русского деревянного зодчества (рис. 5) [9, с. 129].

Размеры данного сооружения в плане составляют 5,8х6 м. Несмотря на небольшую высоту (около 6 м), внутри башни – три яруса. На нижнем ярусе слева от входной двери выпущены бревна несущей стены, разделяющей сруб на две отдельные камеры. Пол из толстых плах, настилы межъярусных перекрытий на мощных круглых матацах, двери оформлены косячными колодами, а сами двери усилены железом. Углы башни сложены «в обло» с выступом. У этого сооружения 68 бойниц, равномерно распределенных по всем четырем сторонам [9, с. 129].

Отличительным признаком национальной самобытности данного амбара является криволинейное очертание шатра, причем криволинейность эта напоминает силуэт берестяной урасы. К тому же, из исторических данных известно, что отец Пономарева по национальности был саха, а мать русская [10, с. 20].

Таким образом, данное сооружение представляет собой некий уменьшенный вариант башни Якутской крепости. Подобные осадные амбары, в первую очередь, служили в качестве защиты от нападений противника.

Приспособление для сушки снопов и хранения их до обмолота появилось в хозяйстве саха как необходимое средство для работы на пашне. Одни хозяева сушили снопы на жердях, установленных на плоской крыше амбара, другие строили для этого особые сооружения на сваях. Подобные надворные строения были широко распространены в центральных улусах (рис. 5) [8, с. 71].

Фигурные столбы помоста располагались на расстоянии 1,8 м. друг от друга, посередине имели сильное утончение, чтобы на настил не могли залезть бурундуки и мыши, на этих столбах устраивался настил из жердей [8, с. 71].

В XVIII в. под влиянием русских укреплений внешние части балагана претерпели изменения. Вместо земляного вала вдоль наклоненных стен, кроме пристроенного хлева «хотон», стали возводить завалинки «сабарааннья». Подобные меры предохраняли балаган от промерзания в зимнее время (рис. 5).

Конструкция представляла собой небольшое бревенчатое укрепление, удерживающее земляную насыпь жилища, горизонтальные бревна в 3–4 венца своими концами заходили в выемки вертикально вкопанных в землю столбов через каждые 1,5–2 м.

Достоверный и убедительный материал, подтверждающий замену открытого навеса балагана *срубной клетью в качестве закрытых бревенчатых сеней* показан на иллюстрациях И.Е. Кожевина, где изображен балаган с совмещенным хлевом рубежа XVIII–XIX вв. Если хорошо присмотреться, можно заметить углы, соединенные «в обло» с выступом. Данное жилище

имеет два отдельных входа, один предназначался для жилой части, другой для хлева. Кровли обеих сеней традиционно земляные и продолжают основной скат балагана. Отметим, что отдельный вход в хлев могли позволить хозяева с большим количеством рогатого скота, их называли «лучшими людьми» (рис. 5).

Следовательно, если раньше к жилищу (балаган) пристраивался открытый навес, опирающийся на 2–4 столба, то на данном примере вместо открытого навеса пристроен двухкамерный бревенчатый сруб, а в хлеве однокамерный сруб.

В 1738 г. с установлением дополнительных ямщицких станций между Витимом и Якутском количество русского населения интенсивно возрастает. Интеграция жилых и хозяйственных построек саха происходит в усиленной форме.

Хозяйственным амбаром якутского скотовода-земледельца с XVIII до начала XX в. была бревенчатая клеть «в обло» с выступом со сторонами 5х5 м, с плоской земляной кровлей и без напольного покрытия. Строили напротив жилища или неподалеку, иногда поодиночке, иногда два-три амбара в один ряд. Такие амбары пристраивали и к другим деревянным строениям: к юрте-балаган, к срубному жилищу, к сеням. Дополнительно пристраивали разные навесы и сараи между ними (рис. 6).

Земляной пол находился на одном уровне с поверхностью двора. Дверь обычно открывалась внутрь и была обращена в сторону жилища, высота доходила до 1 м. В стенах сруба прорубались форточки не более одной-двух, или их вовсе не делали. Кровля держалась на двух или трех матицах, на них закладывались тонкие бревнышки, верх покрывался землей примерно в 50–60 см. Такие амбары были без ската, у некоторых небольшой скат имелся, в одну или обе стороны, общая высота постройки составляла примерно 2,3 м. Внутри вдоль стены напротив двери на высоте около 1 м устраивались высокие нары или полки. Подобные амбары предназначались для хранения не только зерна, но и других продуктов и вещей.

Таким образом, якутские хозяйственные амбары XVIII – начала XX в. по сравнению с русскими амбарами обладали рядом отличительных черт:

- отсутствие фундамента и деревянных плах напольного покрытия;
- плоская кровля, покрытая землей с минимальным скатом без чердака.

Несомненно, для саха с приобщением к земледелию именно бревенчатый амбар являлся одним из первых деревянных строений, заимствованных от русских, а плоская земляная кровля и земляной пол перешли от балагана. Подобная конструктивная аскетичность объяснялась быстрой возводимостью в суровых условиях севера.

В начале XIX в. значительные изменения произошли в каркасно-столбовой системе балагана, где в углах жилища были сдвоены несущие столбы, кроме того, связывающие верхние балки повысили в 3–4 венца «в обло». Обновленная конструкция кровли делала потолок выше и способствовала более рациональному использованию внутреннего пространства дома. Из всего перечисленного складывается впечатление, что внешние наклоненные стены балагана опираются на некую часть русской избы (рис. 6).

В результате интеграции в каркасно-столбовой конструкции балагана произошли существенные изменения, обновления коснулись верхних балок, подняв потолок в 3–4 венца, внутреннее пространство балагана стало ощутимо просторнее, а несущие столбы для устойчивости были сдвоены.

В XIX в. появляются традиционные жилища, совмещенные с бревенчатой клетью. Пристроенные клетки небольшого размера с индивидуальными окнами и межкомнатными проходными проемами эксплуатировались в качестве обособленных жилых комнат. В дореволюционное

время почти на всей центральной части Якутии можно было встретить балаганы с пристроенными к ним с одного или с двух, а иногда даже с трех углов небольшими бревенчатыми клетями (рис. 6).

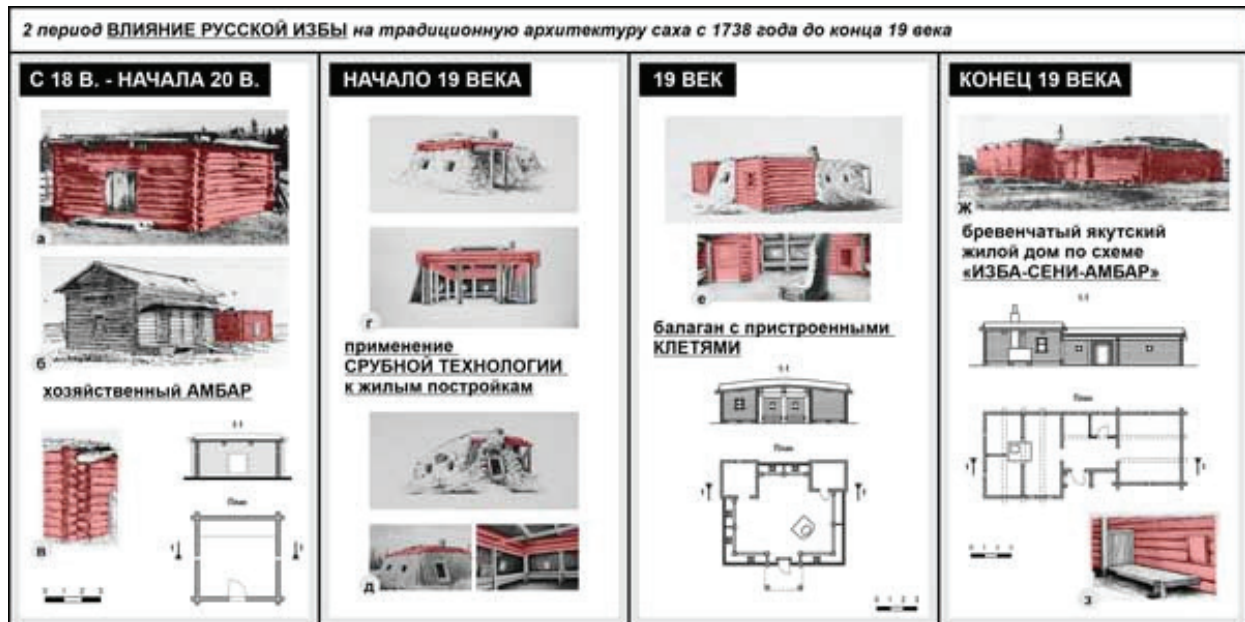

Рис. 6. а. Бревенчатый якутский амбар, участок «Искра». Намский район [10, с. 124]; б. Амбары русского и якутского типов. Село Качикатцы, Орджоникидзевогo р-на, 1972 [8, с. 70]; в. Соединение углов «в обло» [8, с. 77]; г. Балаган в Телейском наслеге, Батурусский улус; д. Балаган в Женходинском наслеге, Мегинский улус; е. Балаган в Сулгачинском наслеге, Амгинский улус; ж. Дом русских. Село Сулгаччи Амгинского р-на, 1970 [8, с. 52]; з. Нары в срубном доме [8, с. 49]

Рассматриваемый балаган когда-то принадлежал якуту Федоту Семенову «Маапай», жителю Сулгачинского наслега Амгинского улуса. Отметим, что в конце XVII в. эти места Русское воеводство активно заселяло крестьянами, переселившимися сюда из южной и Восточной Сибири. Отсутствие совмещенного хлева говорит о том, что хозяин этого дома работал на пашне, скотоводством преимущественно не занимался.

В объемно-планировочном решении это вытянутая четырехугольная постройка с вклинившимися с двух углов балагана однокамерными клетями, рубленными «в лапу». Напольное покрытие юго-западной клетки, служившей гостиной жилища, было вымощено деревянным помостом, какой пол был у другой клетки, точно неизвестно, основное пространство пола балагана так и осталось глиняным. Юго-западная клеть имеет межкомнатный проходной проем и одно небольшое оконце. Северо-западная клеть с наглухо закрывающейся дверью являлась спальней, окон нет. Все комнаты отапливались от одной печи «көмүлүөк оһох». Кровля традиционно земляная с небольшим скатом в обе стороны.

Таким образом, сруб гостиной расположен в юго-западном углу балагана (угол «правой кровати» и «почетного места»), сруб спальни расположен в северо-западном углу (угол «девичьей кровати» и «левой кровати»). Все это говорит о том, что внедряемые новшества происходили с учетом традиционных устоев народа саха. Несмотря на технологические усовершенствования, основополагающие принципы организации внутреннего пространства жилища не изменились.

«В селе Сулгаччи Амгинского улуса рядом с заброшенным зданием церкви сохранилась усадьба одного из бывших ее служителей. По словам нынешнего хозяина этой усадьбы Г.М. Тарасова, дом был построен в 1860-х гг. Это трехкамерное жилище (изба – сени – амбар), углы

которого срублены «в лапу». Дом с плоской крышей, все три матицы расположены на одном уровне. Крыша и в сенях, и в амбаре засыпана толстым слоем земли, надежно защищавшим от попадания в жилище атмосферных осадков. В доме три комнаты. Посередине расположена русская печь. Пол в жилом помещении из лиственничных плах, в сенях и амбаре – глиняный. В жилище можно попасть через единственную дверь (в сенях), выходящую на восток. Амбар также сообщается только с сенями» (рис. 6) [8, с. 52].

Результаты и выводы

Влияние русского деревянного зодчества на традиционную архитектуру саха в XVIII–XIX вв. стало определяющим в результате установления регулярного почтового сообщения в 1738 г. Развитие Иркутско-Якутского тракта, став катализатором изменений традиционных построек саха, разделило влияние русской архитектуры на два основных периода:

- период с начала XVIII в. до экспедиции В.Й. Беринга 1732 г.,
- период с установления в 1738 г. почтового сообщения до конца XIX в.

Первый период характеризуется влиянием традиций русского оборонного зодчества. В это время в условиях неурядиц и конфликтов актуальны были оборонительные сооружения. Помимо того, что местное население начало строить собственные военные укрепления, изменения носили ограниченный характер и касались в основном внешних элементов традиционных построек.

Второй период связан с распространением земледелия и увеличением числа русских переселенцев в Якутии, что привело к активному возведению изб, амбаров и других построек. В этот период влияние русского зодчества становится более заметным. Осадные башни начали использовать исключительно в хозяйственных целях, а технологию бревенчатых срубов применили к жилым постройкам.

1. Первый период влияния русских оборонных сооружений характеризуется следующими особенностями:

- возведение осадных амбаров-башен;
- использование новых приспособлений для работы на пашне;
- частичное внедрение срубной конструкции в традиционные жилища саха: возведение *бревенчатых завалин* вокруг балагана, пристраивание *закрытых и полузакрытых сеней* вместо открытых навесов.

2. Для второго периода влияния русской избы характерны следующие черты:

- возведение хозяйственных амбаров и переназначение осадных башен в хозяйственные;
- применение срубной технологии в каркасно-столбовой системе балагана;
- совмещение бревенчатых клеток с балаганом в качестве отдельных жилых комнат;
- возведение трехкамерных рубленых жилищ с планировочной схемой «связь» (изба – сени – амбар), как в русской избе.

Библиография

1. Казарян, П.Л. Иркутско-Якутский почтовый тракт: история становления / П.Л. Казарян // Наука и техника в Якутии. – 2008. – №1 (14) – С. 49–56.
2. Кряжева, Ю.В. Семантическая модель традиционного Русского (крестьянского) жилища: дис. ... магистра: 27.03.00 / Ю.В. Кряжева. – Новосибирск, 2006. – С. 114.
3. Парникова, А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. / А.С. Парникова. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971 – С. 152.

4. Сафронов, Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии: XVII – начало XX в. / Ф.Г. Сафронов. – Якутск: Якут.кн. изд-во, 1961 – С. 495.
5. Ионова, О.В. Жилые и хозяйственные постройки якутов / О.В. Ионова // Сибирский этнографический сборник. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 239–312.
6. Ащепков, Е.А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири / Е.А. Ащепков. – М.: Гос. изд-во лит-ры по стр-ву и арх-ре, 1953. – С. 275.
7. Добрянцев, А.А. Роль и значение Российского почтового тракта в развитии Ленского края / А.А. Добрянцев, А.А. // Наука и техника в Якутии. – 2014. – №1 (26) – С. 31–35.
8. Зыков, Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начало XX в. / Ф.М. Зыков. – Новосибирск: Наука, 1986 – С.101
9. Крадин, Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество / Н.П. Крадин. – М.: Искусство, 1988 – С. 192
10. Ополовников, А.В., Ополовникова, Е.А. Деревянное зодчество Якутии / А.В. Ополовников, Е.А. Ополовникова. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1983 – С. 128
11. Алексеев, Э.А. Саха балаҕана / Э.А. Алексеев. – Дьокуускай: Бичик, 2007 – С. 320
12. Крадин, Н.П. Башня тойона Пономарева // Графические чертежи обмеров и научной реконструкции оборонной архитектуры Восточной Сибири и Дальнего Востока XVII–XIX вв.: Реконструкция архитектора Н.П. Крадина, 1976 год / КГБНУК Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова. – URL: https://vk.com/wall-168088555_2016

References

1. Kazaryan, P.L. (2008) Irkutsk-Yakut postal road: the history of its formation. Science and technology in Yakutia, No. 1 (14), pp. 49–56 (in Russian)
2. Kryazheva, Yu.V. (2006) Semantic model of traditional Russian (peasant) housing. Master's dissertation (Architecture). Novosibirsk State Academy of Architecture and Art. (in Russian)
3. Parnikova, A.S. (1971) Settlement of the Yakuts in the 17th – early 20th century. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. (in Russian)
4. Safronov, F.G. (1961) Russian peasants in Yakutia: 17th – early 20th century. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. (in Russian)
5. Ionova, O.V. (1952) Siberian ethnographic collection. In: Potapov, L.P. and Levin M.G. (eds.) Residential and household buildings of the Yakuts. Leningrad: USSR Academy of Sciences, pp. 239–312. (in Russian)
6. Ashchepkov, E.A. (1953) Russian folk Architecture in Eastern Siberia. Moscow: State publishing house for construction and architecture literature. (in Russian)
7. Dobryantsev, A.A. (2014) The role and importance of the Russian postal road in the development of the Lena Region. Science and Technology in Yakutia, No. 1 (26), pp. 31–35 (in Russian)
8. Zykov, F.M. (1986) Settlements, dwellings and household buildings of the Yakuts of the 19th – early 20th century. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)
9. Kradin, N.P. (1988) Russian wooden defensive architecture. Moscow: Iskusstvo. (in Russian)
10. Opolovnikov A.V., and Opolovnikova E. A. (1983) Wooden architecture of Yakutia. Yakutsk: Yakut Book Publishing House, pp. 19–20 (in Russian)
11. Alekseev, E.A. (2007) Sakha balagana. Djokuuskai: Bichik. (in Russian)
12. Kradin, N. (1976) 'Mr. Ponomarev's Tower' Graphic drawings of measurements and scientific reconstruction of the defense architecture of Eastern Siberia and the Far East of the 17th–19th century: Reconstruction by architect N.P. Kradin. [online] VK. Available at: https://vk.com/wall-168088555_2016 (in Russian)

Ссылка для цитирования статьи

Решетников А.Я. Влияние русского деревянного зодчества на жилые и хозяйственные постройки народа саха в XVIII–XIX веках / А.Я. Решетников, А.А. Гудков // Архитектон: известия вузов. – 2025. – № 2(90). – URL: http://archvuz.ru/2025_2/9/ – DOI: [https://doi.org/10.47055/19904126_2025_2\(90\)_9](https://doi.org/10.47055/19904126_2025_2(90)_9)

© Решетников А.Я., Гудков А.А., 2025

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»).
4.0 Всемирная

Дата поступления: 11.05.2025